

Влияние образа отца на профессиональное и карьерное развитие

А. Г. Селяев, М. Ю. Стависский

Селяев Александр Геннадьевич – коуч, ментор, фасилитатор, организационный консультант. Более 12 лет управленческого опыта в крупных международных компаниях. Эксперт в построении процессов обеспечения качества разработки программного обеспечения. Сертифицированный скрам-мастер.

Стависский Михаил Юрьевич – магистр делового администрирования, магистр психологии, магистр экономики и финансов, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, супервизор, член экспертного совета национальной Федерации коучей и менторов.

В статье рассматриваются психодинамические аспекты влияния ранних взаимоотношений с отцом на организационный контекст и отношения, которые выстраивают субъекты в профессиональной среде. Разнообразные функции, которые несет в себе образ отца, оказывают влияние на все сферы жизни, включая выбор профессиональной идентичности, карьерное развитие, взаимоотношения с авторитетными фигурами в организациях и бизнесе, успешность в бизнесе и многое другое.

Ключевые слова: психоанализ организаций, образ отца, отсутствующий отец.

Введение

«Отец – это тот, чье появление ставит всех на свои места».
Сибилла Лакан. «Отец»

Вне психоаналитических концепций роль и образ отца могут быть рассмотрены через призму широкого круга аспектов: психофизиологических, исторических, социальных, психологических (семейной и детской психологий, психологии родительства и личности). Сила и могущество образа прослеживаются сквозь времена и пространства, культуры, мифы и религии. К сожалению, обсуждение отличий различных подходов выходит за рамки данной статьи. Мы будем сфокусированы на анализе и использовании только психоаналитических концепций и источников.

Влияние ранних отношений индивидов с фигурами из детства оказывает сильное влияние на будущее индивида, в том числе на выбор профессии, профессиональный и карьерный рост, успехи и неудачи в бизнесе, взаимоотношения с коллективом и лидерами организаций. Поэтому мы можем говорить, что понимание истоков поведения (часто это бессознательные мотивы), определение последствий могут помочь в ежедневной работе лидерам организаций и бизнесов со своими подчиненными и командами. Данная проблематика всегда остается актуальной, и поэтому, будем надеяться, интерес к работам и исследованиям влияния образа отца на взаимоотношения в организациях и бизнесе будет возрастать.

Функции отца в психоаналитическом подходе

Развитие представлений о роли отца в психоаналитической традиции началось в начале XX века. Изначально Фрейд акцентировал внимание на подавляющих, наказывающих репрезентациях отца. Разработка концепции эдипального конфликта (эдипова комплекса, эдипова отца, комплекса кастрации) (Фрейд, 2020; Фрейд, 2015) стала кульминацией этих идей. Позже эти идеи трансформировались, и роль отца стала трактоваться разнообразнее и шире. Но в любом случае во всех источниках можно проследить, что отец представляется как центральная фигура, определяющая психическое развитие человека. Фрейд выделял следующие аспекты восприятия отца ребенком (*Target, Fonargy, 2002*):

- могущественное и богоподобное существо;
- великий человек, объект восхищения и любви;
- объект идентификации;
- человек, осуществляющий заботу, утешающий;
- защитник;
- авторитет, запрещающий и устанавливающий законы (враждебный желанием ребенка);
- угрожающий человек (в случае если нарушаются правила, законы и запреты).

Во второй половине XX века значительно возрос интерес к взаимоотношениям, возникающим между ребенком и его матерью к диаде мать – ребенок. Вопросы зависимости младенца к матери, конфликты в процессе сепарации и индивидуации были затронуты в работах Фрейд А., Малера М. и Кляйн М. Влияние отца в раннем развитии ребенка стало вторичным. Подобное пренебрежение к роли отца стало возможным потому, что условия, при которых изучались мать и ребенок, исключали отцов из поля зрения исследователей.

Дальнейшее развитие теории объектных отношений вернуло внимание исследователей к вопросам значимости отца и его образа для психического развития детей.

Можно выделить постоянные аспекты, концепции, архетипы, в рамках которых развивались исследования роли реального отца и образа отца в психическом мире ребенка. Мы рассмотрим их в следующих параграфах статьи.

Отец как третий в отношениях мать – ребенок

Предполагается, что для развития ребенка должен присутствовать кто-то еще, помимо матери. И отец является тем самым объектом, призванным помочь изменить симбиотические отношения диады и способствовать сепарации и индивидуации ребенка. (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998). Разнообразные авторы исследовали данное влияние и роль отца.

Отсутствие третьего приводит к затруднениям в формировании идентичности ребенка, что в свою очередь приводит к проблемам в развитии. Среди предположений, как именно открывается отец и его образ, есть мнение, что именно мать ребенка открывает ему отца (*Etchengoyen, Trowell, 2002; Diamon, 2003*). Ее установки (сознательные, а часто и бессознательные) относительно отца и его роли формируют отцовскую репрезентацию, даже если он физически отсутствует в семье (долгое и длительное отсутствие, не живет с ними, умер). Дети улавливают, что именно чувствуют их матери по отношению к их же отцам, и развиваются в соответствии с такими установками (*Davids, 2002*).

Отец появляется как дополнительный постоянный второй объект и в реальных отношениях с ребенком. Он помогает сместить агрессивные импульсы ребенка с матери на себя. Тем самым он помогает ребенку пережить потерю первичных отношений с матерью (*Trowell, 2002; Винникотт, 2002*). Воспринимая отца как внешний объект, ребенок получает возможность выдерживать свои агрессивные импульсы, что способствует формированию и образа матери также – как отдельного объекта.

Ранняя подростковая фаза актуализирует диадно-триадный конфликт. Симбиотические отношения с матерью оживляются. Активное развитие идентичности у детей начинается только после того, как будет разрешена связь с преэдипальной матерью раннего возраста. С отцом же формируются отношения другого порядка. Для мальчика отец выступает как конкурент и желаемый объект для идентификации. Отношение к «эдипальным» родителям детства должно быть проработано вновь. Удачное прохождение этого периода (прохождение Эдипа) завершается эмоциональной сепарацией, пониманием отличия себя от каждого из родителей и обретением чувства себя.

Для девочек прохождение Эдипа несколько сложнее. Их развитие в Эдипе базируется на принятии своего неполноценного положения (отсутствие пениса воспринимается как уже совершенная кастрация). Девочка отдаляется от матери и воспринимает отца как любовный объект. Мать вследствие этого становится ее соперницей. Мы можем говорить, что девочка превращается в маленькую женщину.

Фигдор Гельмут (Фигдор, 2021) предлагал рассматривать триаду отец – мать – ребенок как первую, но не единственную форму целого ряда треугольников отношений, влияющих на эмоциональные и социальные рамки в жизни человека:

- родители – дети – воспитатели, учителя, прочие взрослые;
- родители – ребенок – другие дети;
- родители – дети, подростки – друзья и партнеры;

- муж – жена – родители;
- мужчина – женщина – профессия;
- мужчина – женщина – соперник (соперница);
- родители – ребенок – общество;
- индивид – семья, группа – внешний враг, посторонний человек.

Указанные триадные самоопределения влияют на умение индивида соответствующим образом вести себя в рамках различных социальных ролей. Разнообразие треугольников отношений определяет, насколько сложные отношения может выстраивать человек в группах и социумах.

Отец как мужчина

В своих работах Фрейд писал, что правильное решение для выбора объекта гарантируется фигурой сильного отца. В результате симбиотической идентификации с матерью идентичность ребенка (мальчика или девочки) оказывается феминной. И для достижения мужской идентичности мальчик должен идентифицироваться с матерью и идентифицироваться с отцом. В современном психоанализе отмечается необходимость доэдипальных идентификаций с обоими родителями, и каждый должен распознать и подтвердить маскулинность сына. Именно подобная реакция в триаде помогает ребенку в успешном прохождении процесса сепарации-индивидуации (Diamon, 2003). В случае отсутствия отца или его частой недоступности идентификация может быть задержана, и у мальчика нарушается процесс установления уверенного чувства мужественности. Фигура отца необходима девочкам – для успешного развития и принятия своей женской половой роли (Тайсон, Тайсон, 1998).

Г. Левальд и М. Малер указывали на важность взаимодействия детей с отцом как с мужчиной. Идентификация с ним позволяет ребенку избежать опасности поглощения матерью. Предполагается, что отец призван стимулировать раннюю исследовательскую активность ребенка и защищает его от симбиотического регрессионного притяжения к матери (Тайсон, Тайсон, 1998).

Отец как муж и любовник матери

Наличие отца как лица, которое связано с матерью особыми отношениями (супружеские, любовные, сексуальные), должно содействовать развитию представлений об иерархии в семье. Для интеграции внутреннего мира ребенка необходимо наличие и осознание ребенком исключительности отношений отца и матери. Считается, что ребенок должен воспринимать разницу между связями, которые его соединяют отдельно с отцом и отдельно с матерью, а также он должен быть конфронтирован с третьей – соединяющей отца и мать как супругов. Важным здесь является исключение его (ребенка) из этой последней связи. Таким образом ребенок получает способность воспринимать себя во взаимодействиях с другими, развивать идентичность и эмоциональное благополучие (Britton, 2000).

В фантазиях ребенка отец – это тот, из-за которого мать покидает его. И его могут переполнять чувства ненависти к отцу как к третьему лицу, тому, кто отнимает у него мать. Ребенок, чтобы справиться с фактом исключения себя из отношений отца и матери, будет вынужден проецировать свои негативные чувства на отца. Подобное смешение отличительных черт отца с проекциями собственных чувств позволяет выносить собственные разрушительные мысли и чувства (Davids, 2002).

Отец как биологический родной человек

Муж матери может быть биологически неродным для ребенка. Это поднимает вопросы, связанные со значимостью отца «по рождению» перед «приемным» отцом. Что приводит к значению отца как человека, имеющего иные (сексуальные) отношения с матерью, результатом чего и является ребенок. Знание об отце как о человеке, участвовавшем в зачатии, имеет важное значение, поскольку создает у ребенка представление как о потомке различных семей и имеющем свой род. В случае если мать отказывается от помощи мужа, изгоняет его из семьи, целиком устраняя мужскую фигуру из семейных отношений, «присваивая» детей только себе, она лишает их части родословной, создавая из них «символического паралитика, у которого отнята половина тела» (Дольто, 2003).

Если для формирования материнского образа требуются реальные отношения между ребенком и матерью, то в отношениях с отцом этого может не требоваться. И мы можем утверждать, что отцовский образ формируется также матерью, но это создает противоречия и требует дальнейшего размышления (Davids, 2002).

Отец как значимый другой

Хайнц Кохут (Кохут, 2002) рассматривал отношения со значимыми другими как жизненно важные для формирования чувства самости. Для решения этой задачи необходимы селф-объекты – объекты, которые выполняют для ребенка функции поддержки, восстановления и трансформации самости. Этими объектами чаще всего и выступают родители. Выделялись три возникающие в связи с описанной задачей потребности ребенка:

- *грандиозно эксгибиционистская*. В основе этой потребности лежит желание младенца ощущать свое величие и совершенство;
- потребность в том, чтобы *родители «отражали» величие и совершенство ребенка*, восхищаясь ребенком, подчеркивая его уникальность;
- *потребность в идеальном имаго (идеализированных всемогущих, не ошибающихся родителях) и потребность в альтер эго* (в том, чтобы быть похожим на других, в схожести с окружающими).

Родители должны принимать усилия для выполнения селф-объектных функций. Мать, поддерживая грандиозность младенческой самости, отражает ее, восхищаясь ребенком. Отец же должен принимать идеализацию себя ребенком, обеспечивая ему возможность слияния с идеализированным всемогущим объектом. Отцу в этом случае недостаточно

обеспечивать свое присутствие как «мишени для идеализации». Он также должен испытывать удовлетворение от выполнения соответствующих функций (Muslin, 1984).

Дэвид Розенфельд пришел к выводу, что отцовская роль также содержит в себе функцию *расшифровки* опыта ребенка, а также связывания эмоциональных ощущений. Тем самым отец структурирует внутренний мир ребенка и контейнирует детские примитивные страхи. Роль отца в этом особенно важна в доэдипальный период развития. Ее отсутствие чревато психотическими расстройствами.

Отец как компаньон с ребенком в игре и объект привязанности

В середине XX века в результате исследований взаимоотношений детей и родителей стала развиваться теория привязанности – психологическая модель, в которой предпринимаются попытки описать динамику межличностных отношений. В основе теории лежали материалы наблюдений за поведением младенцев и детей, а также этология – дисциплина, изучающая поведение животных (включая людей). Отец-основатель данной теории Д. Боулби (Боулби, 2003; Боулби, 2004) внес значительный вклад в теорию объектных отношений, развивая идеи Мелани Кляйн. Он делал акцент на исключительной значимости качества ранних детско-материнских отношений для гармоничного развития ребенка. В результате данных отношений у ребенка формируются внутренние рабочие модели, которые позволяют отразить в психике ребенка собирательный опыт сензитивности к объекту привязанности.

Д. Боулби в своих исходных положениях понимал роль отца как компаньона в совместной с ребенком игре. Предполагается, что основная задача отца как объекта привязанности в отношениях с ребенком заключается в обеспечении безопасности и стимуляции исследовательской активности ребенка в совместной игре. Как следствие, необходимость отца в жизни ребенка состоит в обеспечении безопасности и поддержки в моменты знакомства ребенка с окружающим миром за пределами матери и отношений с ней.

Отец как высший в иерархии

Взаимоотношения отца и ребенка могут рассматриваться и с позиций участия в воспитании и иерархии. Кочубей Б. (Кочубей, 1993) предложил модель, в которой они рассматриваются в системе координат: участие – пренебрежение, отношение к ребенку на равных – сверху вниз. Возникают следующие комбинации:

1. участие на равных. При сочетании этих параметров отец много времени проводит вместе с детьми и характеризуется как демократичный, заботливый. В качестве примера приводится современная европейская семья;

2. **участие сверху вниз.** В этом случае отец также много занимается с ребенком, но является крайне авторитарной фигурой и придерживается правил жесткой дисциплины;

3. **пренебрежение сверху вниз.** Отец является грубым, презирующим и суровым и не проводит время с семьей и детьми;

4. **пренебрежение на равных.** При сочетании данных параметров можно говорить о феномене «отсутствующего» отца.

Отец как проводник инициации

В классической психологии развития функция отца состоит в том, чтобы помочь ребенку выйти из симбиоза с матерью и открыть окружающий мир. И именно здесь необходима «инициирующая» функция отца (Каст, 2020). Бевензипен описывает эту роль как способность «инициировать процессы развития, подталкивать, быть катализатором изменений в отношениях отца, матери и ребенка». Однако изменения в обществе и культуре приводят к тому, что отец утрачивает функцию связующего звена с обществом (Зойя, 2018).

Образ отца в психоаналитическом подходе

В ПА подходе отсутствует единая классификация отцовских образов. Обычно рассматриваются отношения с «реальным» отцом и их влияние на дальнейшее эмоциональное развитие. Однако можно выделить несколько устойчивых паттернов, имеющих развитие в психоанализе.

Праотец, доисторический отец орды, первобытный отец

В работе «Тотем и табу» (Фрейд, 2017) Фрейд поднимает тему доисторического жестокого и ревнивого отца, первобытного отца, праотца, забирающего себе всех самок и изгоняющего подрастающих сыновей, угрожающих его могуществу. Вся власть в первобытной доисторической орде принадлежала праотцу. В своей гипотезе существования подобного отца Фрейд опирался на работы Ч. Дарвина и Дж. Аткинсона о первичном состоянии человека.

Смерть праотца приходит от рук изгнанных детей, которые, объединившись, убивают его, а затем поедают. Братья испытывали амбивалентные чувства к отцу. С одной стороны, ненависть – как к объекту, запрещающему и не позволяющему взять власть, удовлетворить свои сексуальные влечения. Но также братья испытывали восхищение отцом, любовь к нему как к грандиозной фигуре. Идентификация через интроекцию (поедание) приводит к тому, что фигура доисторического отца становится фигурой бога, тотемным животным, которому стали поклоняться братья. Из образа жестокого, карающего и запрещающего отца он трансформируется в иного – униженного, убитого и принесенного в жертву. После триумфа победы у сыновей появляются раскаяние и тоска по отцу. В дальнейшем

дети накладывают на себя самоограничения в пользу божества. Дабы не повторить судьбу отца, братья отказываются от сексуальных притязаний на женщин рода (инцестуозный запрет).

Мертвый, убитый и символический отец

Фрейд ввел взаимозаменяемые понятия «мертвый отец» и «символический отец» (Фрейд, 2017). Убийство отца и поедание отца изгнанными сыновьями в акте тотемистической трапезы – это желание свергнуть своего отца и присвоить часть его власти. Но, утолив свою ненависть и желание отождествиться с ним, они попадают под власть раскаяния. Мертвый отец становится сильнее, чем при жизни.

Фрейд обсуждает тему убийства отца и как миф, и как вытесненное, но оставаясь на позиции, что убийство отца – обязательное и необходимое требование для возникновения социального порядка. Фрейд считал, что именно отец является виновником перверсий пациентов, подчеркивая, что история об убитом отце будет присутствовать в бессознательном каждого человека. Отцеубийство, совершаемое ордой, приносит не только вседозволенность и террор, но и сожаление и вину. Для предотвращения катастрофы им приходится вводить запрет на инцест, что создает институт экзогамии и вводит идею взаимности, что представляет собой начало зарождения общества.

Лакан продолжил развитие этой темы, подчеркивая, что смерть отца является важным рубежом и влияет на дальнейшее развитие личности (*Rosolato, 1969*). «*Отец вступает в свою функцию отца в психическом только в качестве мертвого отца*» (Винтер, 2021). Отказ повиноваться отцу означает «убийство» отца в качестве всемогущей инстанции. Это символическая операция над репрезентацией отца, которого мы воображаем всемогущим. Так мы избавляемся от мифического отца и находим символического.

Перелберг (*Perelberg, 2009*) представляет «мертвого» отца в истории Эдипа как символического третьего, считая, что сведение «убитого» отца к «мертвому» является попыткой регулировать сексуальность – вплоть до полного отказа от нее.

Термин «мертвый отец» используется и как аналогия с «мертвой матерью» Андре Грина (*Green, 1992*). «Мертвая мать» – это мать, которая жива, но в глазах ребенка она мертва психически, потому что впала в депрессию по той или иной причине, например из-за потери любимого объекта: близкого человека или любого другого объекта, сильно инвестированного матерью. Или из-за нарциссической раны: нарушения отношений в семье или близком окружении. Женщина в этом случае поглощена своим собственным внутренним миром, полным траура, ангедонии и мертвости. Мы можем говорить, что «мертвый отец», так же как и «мертвая» мать, поглощен своими внутренними страданиями и не способен предоставить заботу и опору для членов своей семьи и особенно – детей. Такой отец не способен проявлять все свои мужские функции, что приводит к различным нарушениям у его потомства.

Эдипальный отец

Отец для З. Фрейда являлся в первую очередь эдипальным отцом, к которому ребенок-мальчик испытывает одновременно и агрессивные, и нежные чувства. Присутствие сильного отца определяет правильное решение сына, когда придет время выбора объекта противоположного пола.

Ж. Лакан (Лакан, 2002) выделял три стадии эдипова комплекса:

- на первой стадии (также называемой стадией зеркала) отец не появляется как отдельная структура, а воспринимается братом. Между ребенком и «братом» происходит соревнование за диадические отношения с матерью;

- на второй стадии отец появляется уже в образе всемогущей фигуры. Здесь проявляется запрет на диадные отношения между матерью и ребенком. Присутствие отца ослабляет воображаемую связь между ребенком и матерью;

- позитивная идентификация с отцом возникает на третьей стадии. Ребенок желает стать похожим на отца и отказывается от желания стать отцом.

- В работах М. Кляйн (Растин, Растин, 2020) отец на ранних стадиях эдипова комплекса представляется как фигура, заменяющая мать. Дети в страхе потерять основной объект любви используют отца как замену. Процесс разделения либидо между родителями (комбинированная родительская фигура) позволяет развивать объектные отношения и снижает уровень депрессивных чувств, возникающих во второй половине первого года жизни.

В анализе фигуры отца Ж. Шафер (Шафер, 2020) противопоставляет праотца и эдипова отца. Последний не является носителем табу (они остаются в архаичной области и более не вызывают священный ужас), но он вносит запреты эдипового комплекса. Он внушает страх наказания за инцестуозные желания, порождая совесть, мораль, внутренние границы.

Патернальная депривация, отсутствующий отец, изгнанный, аннулированный и запрещенный отец, минимум отца

Психическая депривация (Лангмейер, Матейчик, 1984) – феномен, который возникает вследствие определенной жизненной ситуации, при которой субъекту не предоставлена возможность удовлетворения некоторой основной психической потребности в достаточном объеме и в течение относительно длительного времени. Эмоциональная депривация может возникать в случае недостаточного общения ребенка со значимым другим, с самого рождения ребенка или уже после рождения – как прерывание сильной эмоциональной связи. Подобное становится возможно в случае неполных семей, где отсутствуют отец или мать и другому родителю не всегда можно заметить роль отсутствующего. Поэтому логично можно выделить материнскую и отцовскую (патернальную) депривацию.

В психоаналитической литературе для патернальной депривации используется определение (в некоторых случаях феномен или архетип)

«отсутствующего отца» – отца, не инвестирующего в ребенка эмоционально или даже отсутствующего физически (Лангмейер, Матейчик, 1984). В различных работах рассматриваются истоки его возникновения: феминистические движения, многолетняя борьба за равноправие полов, промышленное развитие в мире, военные конфликты и мировые войны (особенно выделяются первая и вторая мировые войны), политические репрессии. Эти и прочие социокультурные факторы привели к изменениям в образе отца и его функциях.

Мы можем говорить, что формы отсутствия или «недостаточности отца» не эквивалентны (Зойя, 2018). Отцы могут покидать семьи и отказываться заботиться о своих детях, либо их могут изгонять сами матери, отцы могут отсутствовать по причине случайной, мимолетной связи, умирать. Каждая из возможных причин «отсутствия» может приводить к различным последствиям. Причины могут быть как социально одобряемые – трудоголизм, служба в армии во время мировых войн, так и социально не одобряемые – алкогольная и наркотическая зависимость, измена жене и уход в другую семью, отказ от ребенка и дистанцирование от него. Важен не столько способ, каким отец был исключен из семейной системы, сколько последствия: фигура отца для ребенка остается недоступной. Мы можем говорить, что изъятие мужчин (по различным причинам) приводит к тому, что в семьях могут полностью отсутствовать фигуры, выполняющие отцовские функции.

Отсутствие отца в жизни ребенка на разных этапах взросления способно значительно повлиять на психоэмоциональное состояние. В различных психоаналитических школах мы можем обнаружить размышления о том, что отсутствие отца влияет на развитие ребенка, например снижает самооценку и степень овладения агрессией. В период формирования Суперэго у ребенка наблюдается тенденция экстернализовать внутренний конфликт, и именно на этом этапе крайне необходимо присутствие любящего отца, способного смоделировать позитивное отношение к работе, творчеству, настойчивости и ответственности (Коряков).

Херцог (*Herzog*, 2001) предложил концепцию «голод по отцу», рассматривая эмоциональное состояние агрессивной дезорганизации у детей, чьи отцы отсутствуют. Голод по отцу у маленьких мальчиков приводил к расстройству сна и фобиям, у мальчиков постарше – к сверхидентификации с отцом. У девочек на отсутствующего или недостаточного отца чаще наблюдаются депрессивные реакции.

Исследования подростковых самоубийств в Англии выявляют их связь с отсутствием отца в семье (*Campbell*, 1995). Специализированные исследования в Германии показывают, что отсутствие отца больше, чем отсутствие матери, является фактором, толкающим к самоубийству (Зойя, 2018).

Винтер вводит понятие «минимум отца» или «минимального отца» – «его как бы нет, но он все-таки есть» (Винтер, 2021). Автор определяет этим термином тех мужчин, что еще живы, но не хотят иметь ничего общего с семьей своего ребенка и ребенком. Они существуют не потому, что заботятся о своих детях, и не потому, что любят их. Они существуют,

потому что присутствуют два элемента. Первое – существуют «слова матери», которая указывает ребенку, кто его отец. Второе – то, что мать «передает» ребенку волю отца по отношению к нему. Даже если отец не хочет ничего знать о своих детях. «Тот факт, что в данном случае отец выразил свою волю, – это опосредованный способ личного обращения к нему. Это и есть минимальное содержание отцовской функции» (Винтер, 2021).

О превращении отца в исчезающий вид и последствиях данного феномена размышляет Луиджи Зойя в книге «Отец. Исторический, психологический и культурный анализ» (Зойя, 2018). Автор размышляет о том, что психологические функции осуществляются мужчинами все меньше и переходят в руки матерей или иных социальных институтов. Последствия таких изменений катастрофические. Исследования в различных странах показывают, что взамен в семье приходят нищета, маргинальность, пассивность потомков.

Отсутствие отца становится причиной нарушения семейной иерархии, в которой дети должны быть младшими (низшими) по отношению к родителям (старшим и высшим) (Зотова, Летучева, 2021). Вследствие искажения иерархии и недополучения опыта взаимодействия с сильной отцовской фигурой современным отцам становится сложно выполнять свои функции.

Наличие однополых браков (женщин с женщинами, мужчин с мужчинами) ставит вопрос об изменениях в понимании функций и образа отца. В некоторых странах однополые пары заводят детей, используя доноров спермы, или (если разрешено законодательством) берут детей на воспитание из детских домов. В этих условиях стирается грань в образах отцов и матерей. В документах детей отсутствуют графы для подобных ролей. Например, во Франции при искусственной инсеминации графа «Отец» отсутствует вовсе, допускается записывать родителей как «Мать» и «Мать». Причем для гомосексуальных пар подобное пока запрещено (Винтер, 2021). В других примерах родительство вообще отменяет «Мать» и «Отца». В Европе распространена практика, когда родители носят порядковый номер: родитель 1, родитель 2. Или если партнеров в семье несколько, к ним обращаются по первой букве имени: «родитель Е», «родитель Ф», «родитель Ж». Таким образом мы можем говорить не только об «отсутствии» отца, но и также о его «аннулировании». Кроме аннулирования отца мы также можем наблюдать и запрет на его упоминание. Однополые пары имеют право полностью убирать из юридических документов имя донора спермы, тем самым символически запрещая ребенку знать своего отца. В литературе рассматриваются подобные метаморфозы и отмечается, что аннулирование отца и запрет на упоминание его имени влияют на следование основной заповеди отца – «запрет на инцест», что в свою очередь способно значительно влиять на дальнейшее развитие и формирование психики ребенка.

Смешной и униженный отец

Отношение ребенка к своим родителям не может быть только положительным. Но отношение к обесцененным матерями и отцам различно (Зойя, 2001). Если мать оказывается униженной, то ребенок продолжает любить ее, возможно – будет ей сочувствовать. К отцу отношение иное. Дети хотят видеть отца сильным, победителем, несущим знамя добра и любви. Что, если отцы не оправдывают надежд?

В книге «Будущее отца» Жан-Пьер Винтер (Винтер, 2021) предлагает рассмотреть фигуру отца и в неприглядном свете. Он приводит примеры, когда в литературе рассматривается отец, вызывающий насмешки или отвращение, т. н. «униженный отец». Это отец, похожий на клоуна или шута, к тому же плохо играющего. Униженный и презираемый отец – это перевернутое отражение всемогущего Бога. Если применять термины юнгианской школы психоанализа, то это «тень» отца. Для детей такой отец приносит страдания, особенно для сына, который не может простить отцу того, что тот смешон в его глазах. Поскольку отношение к отцу как к сакральной фигуре является естественными, то выставление отца в смешном виде кажется нам святотатством.

Однако понятие сакральности отца носит амбивалентный характер (Винтер, 2021). К тому же обращение того или иного чувства в противоположность – это реалии нашей психической жизни. И поэтому смех над отцом можно рассматривать как результат конфликта между сакральностью воли отца (ставшей бессмертной благодаря фантазму его убийства) и неприглядным, постыдным и смешным воплощением отца в обыкновенном мужчине.

Отец, выставляющий себя в смешном виде, не перестает быть отцом. «Смехотворность» отца есть выражение амбивалентности сына, включающей в себя и любовь, и ненависть – чувства, всегда присутствующие в отношениях между детьми и отцом. Задачей сына является, в конце концов, обрести свое достоинство, обнаружив достоинство отца, отказавшись от части своих претензий. Здесь открывается двойная суть его чувства к отцу – и его принятие.

Идеальный отец, достаточно хороший и достаточно плохой отец

Образ идеального отца – это недостижимый идеал. Для женщин это означает, что им сложно, практически невозможно найти себе партнера, поскольку каждый мужчина сравнивается с идеальным образом отца и практически каждый – обречен проиграть. Мужчины, храня образ идеального отца, постоянно проигрывают ему и отказываются от конкуренции. Это может проявиться и в личных отношениях, и в работе. Также мужчины могут присвоить теневую сторону идеального непогрешимого отца и конкурировать с ней. Цель такой конкуренции – добиться внимания отца и, если не получается выиграть там, где он идеален, выиграть там, где он плох. Также при идеализации отца теневые аспекты его фигуры

могут приписываться себе либо проецироваться на окружающих. (Зотова, Летучева, 2021).

Роль совершенного отца неоднозначна (Липпо, 2006). Достигший большого успеха в своей жизни отец способен подавлять стремление сына к самоактуализации. Излишнее дружелюбие, безграничная поддержка отца приводят мужчин к дискретному восприятию своей жизни, что не позволяет сформировать навыки прослеживания связи между прошлым и настоящим. Излишняя забота, постоянная готовность отца принимать дочь как есть, поддерживать и помогать формируют позитивные отношения между ними, но в то же время формируют у дочери зависимость от отца и несостоятельность в быту.

По аналогии с «достаточно хорошей матерью» Винникотта в литературе используется определение «достаточно хороший отец». В опыте взаимодействия с «достаточно хорошим отцом» можно выделить следующие воспоминания детей (Зотова, Летучева, 2021):

- защищал, проявляя свою силу безопасным образом;
- устанавливал границы и правила, настаивал на их соблюдении;
- хвалил, одобрял гордился и восхищался;
- требовал от ребенка сделать что-то хорошо;
- проявлял нежность и уважение к матери ребенка;
- радовался полу ребенка (девочка или мальчик);
- играл с ребенком, занимался общими делами;
- был предметом гордости.

Новый отец, будущий отец

Концепции архетипических отцов (в которых заложен целый ряд отцовских божеств, стоящих за привычными образами отца) вступают в конфликт с современными социальными изменениями. Эти конфликты формируют образ «нового» отца, носители которого формируют иные интересные отцовские комплексы (Каст, 2020).

В книге «Отец. Исторический, психологический и культурный анализ» Луиджи Зойя ссылается на исследования, указывающие, что в США образ отца переместился от главы семейства к со-parent, к образу, в котором отец разделяет обязанности матери. Однако эти изменения незначительны, поскольку опросы часто выявляют не то, что есть, а идеальные образы в нашей голове, в которые мы верим или хотим верить. Это не означает, что мир меняется. Автор приводит аналогию: «Голова осовременилась. Ноги продолжают стоять на тысячелетиях католичества».

Рассматривая различные ипостаси «отсутствующего» отца, исследователи затрагивают тему биологического аннулирования отца. Мы можем говорить, что первый (биологический) принцип в настоящее время может отрицаться как необходимый и, как следствие, он вытесняется из семьи. В однополых браках также может меняться (нарушаться) и вторая составная часть – социальная. Поскольку в «новых» семьях могут отсутствовать мужчина и присутствовать только две мамы или, как уже приводился

пример, используются номера в качестве определения родителей – «родитель 1» и «родитель 2». В настоящее время нет однозначного ответа, хорошо это или плохо, для этого понадобится время жизни нескольких поколений (Винтер, 2021).

Репрезентации образа отца во взаимоотношениях между сотрудниками и лидерами организаций

Исследования влияния образа отца в большинстве своем охватывают личную сферу. Достаточно много исследований посвящено влиянию образа отца на детей и выбор партнера. Есть ряд работ, исследующих влияние образа отца на становление лидеров, но по-прежнему крайне мало исследований и литературы, уделяющей внимание специфике влияния образов отца на индивидов в рабочей среде. Далее мы рассмотрим некоторые концепции, используемые в психодинамическом (основанном на психоанализе) консультировании и коучинге организаций и групп.

Перенос и контрперенос в группах и организациях

Шандор Ференци в работе «Теория и практика психоанализа» (Ференци, 2000) писал о потребности ребенка перенести потребность подчиняться с отца на иную авторитетную фигуру, в качестве которой могут выступать учителя, начальники и иные обладающие властью люди. Опыт прошлого опыта, прошлых отношений со значимыми фигурами формирует внутренний мир индивида. Проецирование ожиданий и представлений о подобных прошлых отношениях на отношения в настоящем с другими людьми в личной и рабочей сферах в психоанализе принято называть «переносом». Сам перенос как феномен бессознательного не является патологией, но он способен принимать паталогический характер, если восприятие реальности искажено и перенос не может быть скорректирован новым опытом. Контрперенос означает реакции, чувства, образы и импульсы к действию у психотерапевта в процессе работы с пациентами. Позже термины «перенос» и «контрперенос» стали использоваться психодинамически ориентированными консультантами в процессе работы с группами и организациями (Гирнальзик и др., 2019; Ward, 2008).

Перенос и контрперенос являются феноменами нашей повседневной жизни. Не всегда индивид способен провести различие между реалистичными и переносными чувствами переноса и контрпереноса (Винникотт, 2021). Примеры, которые мы можем наблюдать в рабочих группах и организациях, подтверждают это. Например, «нейтральный» руководитель может восприниматься как отторгающий и вечно недовольный и критикующий отец. Тщеславный коллега может восприниматься индивидом как опасный соперник-сibling (Гирнальзик и др., 2019).

События в прошлом, ранние взаимоотношения оказывают влияние на индивидов на протяжении всей жизни. В работах различных авторов рассматривается возможность проживать свои ранние детские конфликты, находясь в группах.

Хайман Спотниц (Белоскокова, 2021) предполагает, что группа может предоставлять шанс пережить прошлый опыт, детство в «семье», одновременно научаясь новым, более зрелым способам коммуникации. Спотниц проводил свои исследования в рамках групповой психотерапии, но мы можем говорить, что подобные процессы присутствуют не только в рамках временных групп, но также и в рабочих группах организаций.

Луис Ормонт (Ормонт, 1998), исследуя структуру переноса, отмечал, что все люди несут в себе образы матери, отца и иных фигур, значимых для них в детстве. С каждым объектом существует недописанный сценарий, и каждый сценарий ищет случая завершиться. Люди пытаются дописать свои сценарии, подвести драму к финалу с любыми доступными фигурами, в том числе на работе – с коллегами, руководителями, подчиненными. Примеряя свой опыт, они переносят на окружающих свой опыт и реагируют на эти «картинки» словно на настоящие фигуры. Группы, в которых они оказываются, служат им опорой в проработке этих сценариев.

Г. Левинсону (Белоскокова, 2021) принадлежит идея психологического контракта между работодателем и сотрудниками – существования неписаного, неясного, но постоянно действующего набора ожиданий каждого участника рабочих отношений. Левинсон выявил взаимосвязь между различными типами переноса у сотрудников в зависимости от типа личности и лидера. В том числе он описывал потребности сотрудников в зависимости и опоре на лидера как на родительскую фигуру, подчеркивая опасность недооценки последними подобных потребностей в организациях и группах. Были выделены три доминирующие психологические проблемы: зависимость, дистанция и изменения. Зависимость предполагает отношение к руководителю как к родительской фигуре, обладающей властью и полномочиями принимать решение. Причем зависимость не является односторонним процессом – это процесс, в котором ожидания присутствуют и у руководителей, и у подчиненных.

Отто Кернберг рассматривал формирование и влияние коллективных переносов в работе организаций. Он отмечал присутствие бессознательного и сознательной зависти к лидеру, которая смешивалась с доэдипальными и эдипальными конфликтами. *«В результате этих тенденций образ лидера превращается в уме последователей в образ человека, который выполняет (и, следовательно, фрустрирует) волшебные ожидания защиты руководства, опеки и личной привязанности и любви»* (Кернберг, 2018, с.154).

Проекции в группах и организациях

Защитные механизмы присущи всем людям. Они формируются в раннем детстве и используются как способ познания мира. В организациях мы часто можем наблюдать такие защиты, как проекция, интроекция, проективная идентификация, регрессия и др. (Белоскокова, 2021; Гирнальзик, 2019).

Исследование и анализ применяемых защит индивидов, групп и организаций является одним из инструментов в психодинамически

ориентированном коучинге. На практике это может быть использовано для задач (Халеле, 2021):

- executive-коучинга;
- оценки руководителей при найме, развитии или кризисном управлении;
- предсказания текучести кадров (приводился пример терапевтического сообщества, где требовалось обеспечить работу персонала в течение не менее трех лет);
- подбора и формирования команд.

В процессе работы в психодинамическом коучинге можно выделить разнообразные проекции, связанные с образом отца, наблюдаемые в бессознательных играх клиентов с авторитетными фигурами в организациях и бизнесе:

1. желание оказаться в подчинении или в партнерстве с мужчинами, напоминающими отцовскую фигуру;

2. недоверие мужской части населения к руководителю, особенно в случаях пренебрежения собственным отцом или замещающей его фигурой (дедом, дядей, отчимом);

3. сотрудники могут бессознательно выбирать себе в качестве руководителей мужчин, исходя из внутреннего образа отца, которые не относятся к ним достаточно хорошо, чтобы попытаться воспроизвести прошлые отношения и взять контроль над ситуацией в свои руки;

4. поиск в руководителе, партнере по бизнесу объекта для ревности. Страх, что найдут кого-то лучше;

5. страх и избегание принятия благодарности, поскольку не привыкли к тому, чтобы отец их хвалил. И потому воспринимают похвалу как то, чего они не заслуживают;

6. структурная распушенность, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами – как необходимость заполнить эмоциональную дыру, оставленную отцом;

7. стремление к чрезмерному очень близкому общению и дружбе с «фигурой отца» в организационной структуре или бизнесе, чтобы чувствовать себя «любимым-нужным» человеком;

8. проблемы взаимоотношений с противоположным полом в профессиональной среде при отсутствии адекватных моделей взаимоотношений между отцовской и материнской фигурами;

9. разочарование в своей работе, бизнесе, коллегах, руководителя из-за сильного отца. Любой руководитель, сотрудник проигрывает грандиозной фигуре отца. Эти заместители фигуры не соответствуют высоким стандартам. Таким «разочарованным» индивидам очень сложно найти достойного руководителя или партнера;

10. сверхинтенсивное ожидание заботы и поддержки от «фигуры отца», что вызывает сильную зависимость и подавление своих интересов;

11. завышенные ожидания в финансовой мотивации, требование особых условий от руководителей, поскольку отец всегда был готов сделать для индивида что угодно;

12. желание находиться в центре внимания руководителей и партнеров по бизнесу, если в них видят «фигуру отца».

Руководители как объекты идентификации

Под идентификацией будем понимать психологический процесс, при помощи которого субъект присваивает свойства, качества, атрибуты другого человека, или, другими словами, образ. При этом, используя образ, субъект преобразует себя целиком или частично.

Добровольное подчинение возможно в случае идентификации сотрудников со своим руководством. И именно этот процесс позволяет лидерам организаций вести сотрудников за собой.

Руководители как объекты для идентификации выполняют функцию «связующего звена». Причем в условиях быстрых изменений в организации или ее окружении возрастает значение привязанности сотрудников именно через руководителей, с которыми они контактируют. Руководители становятся ориентирами, на которых равняются.

Отмечается, что решающую роль для процесса идентификации играет коммуникация между сотрудниками и руководителями, а также предоставление достаточного пространства для развития положительного переноса (Халеле, 2021).

Влияние образа отца на карьерный и профессиональный путь

Влияние образа отца на выбор карьерного и профессионального пути, производительность и работоспособность неоднократно упоминается в психоаналитической литературе, на лекциях и семинарах. Оля Халеле (Халеле, 2021) – психоаналитический психотерапевт и организационный консультант, профессиональный партнер в Тавистокском институте на семинаре по теме психоаналитической диагностики/оценки топ-руководителя, проводившейся для ВШЭ в 2021 году, – приводила пример, связанный с падением производительности. К ней обратилась за помощью компания. Производительность одного из руководителей (Джон) резко изменилась без видимых для окружающих причин. Он входил в список самых высокопроизводительных и результативных менеджеров. Джону предложили другую роль в компании, посчитав, что, возможно, это поможет ему выйти из застоя. Но и на новой позиции он не справлялся с работой. В ходе диагностических интервью выяснилось, что этот руководитель достиг того самого возраста, в котором его отец в свое время был сокращен. После этого негативного события отец не смог восстановиться по службе и его карьера была закончена. Вскоре отец умер. Оля предложила клиенту связать события с отцом и текущим падением производительности. Джон был поражен подобной интерпретацией и связыванием событий, но подтвердил, что увольнение и смерть отца, возможно, негативно влияют и на него. В течение нескольких месяцев после работы с коучем у Джона наметился прогресс, и он постепенно вернул свою работоспособность.

Морин Мердок (Мердок, 2021) ссылается на свой психотерапевтический опыт и пишет, что существуют определенные модели поведения и черты характера, свойственные дочерям во взрослом возрасте. Имея крепкие и теплые отношения с отцом, повзрослев, они продолжают идентифицировать себя с ним. Если дочь в детстве выступала поверенной отца, выполняла функции больше жены, чем дочери, то взрослой, например на работе, она продолжает играть привычную для нее роль. Женщина становится «приближенной» своего начальника – как человека, наделенного властными полномочиями. Она продолжает выступать во второстепенной роли, как дочь своего отца. В этом случае мы можем наблюдать, что женщина не имеет собственной власти, но является прекрасной помощницей мужчины.

Наблюдения за влиянием образа отца приведено в книге Верены Каст «Отцы-дочери, матери-сыновья». Бернардони и Вердер обнаружили корреляцию, что у 8 из 10 женщин с успешной карьерой отцы были академическими учеными и именно они были образцом для подражания, а не матери. Эти отцы старались вырастить своих дочерей независимыми и самостоятельными. Успешные женщины описывали своих отцов как динамичных, активных, интеллектуальных, целеустремленных и либеральных.

Одним из перспективных направлений в психодинамическом коучинге отечественного бизнеса может стать тема передачи бизнеса по наследству. В 90-е годы прошлого века в России были созданы предпосылки для формирования слоя предпринимателей. Спустя 30 лет те, кто начинал тогда, подходят к возрасту 50–70 лет. В этом случае сложно продолжать управлять своим бизнесом, и требуется передача управления – в руки своих детей или наемной топ-команде. Конфликты, возникающие в семьях, переносятся в бизнес и могут приводить к потере доли рынка, продаже компаний и иным потерям. В данном направлении мало работ, но с уверенностью можно сказать, что театры неврозов бизнес-семей переносятся в организации, на сотрудников, и уже последние отыгрывают в рабочих отношениях проблемы владельцев.

Заключение

Анализ психоаналитической литературы позволяет утверждать, что отношения с отцом оказывают сильнейшее влияние на формирование образа отца и в дальнейшем этот образ оказывает влияние на поведение субъекта.

Исследование функций отца, отцовской роли и образа отца в психоаналитических подходах до сих пор более фрагментарно по сравнению с исследованиями влияния взаимоотношений с матерью. Поэтому представляется интересным и важным прояснить взаимоотношения (а также их изменения) между отцом и ребенком в различные «переходные» периоды (доэдиповый, эдиповый и постэдиповый). Особый интерес вызывает трансформация роли отца в условиях изменений текущих социальных процессов. Начиная с Фрейда психоаналитики обращали внимание на то,

какие основные функции несет отец. В данной статье прослежено изучение этого влияния в теории объектных отношений (М. Кляйн, Д. Винникот и др.), селф-психологии Х. Кохута, структурном психоанализе Ж. Лакана, теории привязанности Д. Боулби и системно-ориентированной семейной психотерапии М. Боуэна.

По отношению к своим детям отцы могут выполнять функции в различных ролях: отец как третий, отец как мужчина, отец как муж и любовник матери и др. Выполнение или невыполнение функций позволяет определить паттерны, которые мы можем наблюдать в обществе: отсутствующий отец (изгнанный, аннулированный или запрещенный), смешной и униженный отец, идеальный отец и достаточно хороший и достаточно плохой отец и др. Данные образы отцов оказывают различное, но важное влияние на становление индивида в социальной и рабочей средах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белоскокова-Михайлова Е.* Психоанализ бизнеса. М.: Когито-Центр, 2021. 197 с.
2. *Боулби Д.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
3. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
4. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
5. *Винникотт Д. В.* и др. О контрпереносе. Эра контрпереноса: Антология
6. психоаналитических исследований. М.: Академический проект. 2021. 508 с.
7. *Винтер Ж.* Будущее отца: как изменится его место в семье и обществе? / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2021. 179 с.
8. *Гирнальзик Т., Катуржевский А., Ломер. М.* Бессознательное в организации. Психодинамика руководства, консалтинга и управления изменениями. М.: Независимая фирма «Класс», 2019. 416 с.
9. *Грин Андре.* Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа. Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб: Питер, 2005. 576 с. С. 333–361.
10. *Гулина М.А.* Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129–145.
11. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 672 с.
12. *Зойя Л.* Отец. Исторический, психологический и культурный анализ. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 352 с.
13. *Зотова Ю., Летучева М.* Все дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Независимая фирма «Класс», 2021. 344 с.
14. *Каст В.* Отцы – дочери, матери – сыновья. Путь от отцовского и материнского комплексов к собственной личностной идентичности. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. с. 184.
15. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 424 с.

16. *Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. 512 с.
17. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 368 с.
18. *Кочубей Б. И.* Мужчина и ребенок. М.: Знание. 1993. Вып. 7.
19. *Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары. Кн. 5. М.: Логос, Гнозис, 2002. 608 с.
20. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
21. Липпо С.В. Образ отца как фактор самоактуализации личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. РГПУ имени А.И. Герцена. Спб., 2006. <https://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-obraz-ottsa-kak-faktor-samoaktualizatsii-lichnosti>
22. *Мердок М.* Дочери своих отцов: как разорвать связующие узы. Исследование теневой стороны отцовской любви в мифах, сказках и юнгианской психологии. М.: Касталия, 2021. 296 с.
23. Ормонт Л. Групповая психотерапия: от теории к практике. СПб.: Связанные практики, 1998.
24. *Растин М.* Читая Кляйн. М.: ИОИ, 2020. 352 с.
25. *Соловьев А.В.* Психологический контракт. Критический анализ теории и практики: монография. М.: Проспект, 2021. 272 с.
26. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528 с.
27. Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000. 320 с.
28. Фигдор Г. Развод. Излечение травмы утраты и предательства. СПб.: Питер, 2021. 400 с. (Серия «Психология для профессионалов»).
29. *Фрейд З.* Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психоанализ и детские неврозы. СПб.: Алетейя, 2000. С. 143–277.
30. *Фрейд З.* Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. Москва: Алгоритм, 2016. 256 с.
31. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука. 2015. (Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»).
32. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, 2017. (Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»).
33. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: АСТ, 2020.
34. *Халеле О.* Психодинамический подход к оценке топ-менеджеров. 10–11 декабря 2021 г. Семинар: <https://www.hse.ru/ma/psyana/announcements/534329716.html>
35. *Шаффер Ж.* От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 1. НИУ ВШЭ.
36. Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state // The International Journal of Psychoanalysis, 76 (2), 1995. P. 315–323.
37. *Diamond M. J.* The Shaping of masculinity revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity // The International Journal of, 2004. Vol. 85. P. 359–381.

38. *Herzog J.M.* Father Hunger: Explorations with Adults and Children. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2001. 324 p.
39. *Loewald H.* Ego and reality // The International Journal of Psychoanalysis, 1951. Vol. 32. P. 10–18.
40. *Diamond M.J.* The Shaping of masculinity revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity // The International Journal of Psychoanalysis, 2004. Vol. 85. P. 359–381.
41. *Muslin H. L.* On the resistance to parenthood: considerations of the self of the father. In R.S. Cohen, B.J. Cohler, S.H. Weisman (Eds.), Parenthood: A Psychodynamic Perspective. N-Y: Guilford Press, 1984. 362 p.
42. *Perelberg R.J.* Murdered father; dead father: revisiting the Oedipus complex // The International Journal of Psychoanalysis, Vol. 90 (4), 2009. P. 713–732.
43. *Rosolato G.* Essais sur le symbolique. Gallimard, 1969. 368 p.
44. *Target M., Fonagy P.* Fathers in modern psychoanalysis and in society: the role of the father and child development // Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. Hove: Brunner-Routledge, 2002. P. 45–67.
45. *Trowell J.* Setting the scene // Trowell J., Etchegoyen A. (eds). The importance of fathers. Hove: Brunner-Routledge, 2002. P. 3–20
46. *Ward G.* Towards Executive Change: A psychodynamic group coaching model for short executive programmes. International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring. 2008. Vol. 6 (1). P. 67–80.

Image of father influence professional and career development

A. G. Selyaev, M. Y. Staviskij

Selyaev Alexander G., coach, mentor, organization consultant. More than 12 years of management experience in global companies. The IT process management expert. Certified Scrum Master.

Staviskij Mihail Yu., Master of Business Administration, Master of psychology, master of economics, psychoanalytic-oriented business consulter, supervisor, Member of the Expert Council of the National Federation of Coaches and Mentors.

The article discloses psychodynamics aspects of early relationship influence with father on organization context and relationships built in professional environment. The multiple number of different functions, that image of father includes, brings a big impact on all life areas, including professional identification, career grow, relationship build with leads in organization and business context.

Keywords: organization psychoanalysis, image of farther, missing farther.